

29 ЯНВАРЯ — 4 ФЕВРАЛЯ 1998 ГОДА

Бурно прошел по стране юбилей Владимира Высоцкого. Даже в «заграничном» Мариуполе, где он был один раз, открыли памятник певцу. Юбилей устроен так, что зачастую публично высказываются о виновнике воспоминаний не самые близкие к нему люди. Про Юрия Петровича ЛЮБИМОВА, режиссера Театра на Таганке, так не скажешь. Сложные творческие взаимоотношения двух сильных и талантливых личностей отошли со временем в сторону. Остались факты.

— Наверное, многие задают себе вопрос: «А чем стал бы Владимир Высоцкий в наши дни, если бы не умер так рано?» Вы могли бы ответить?

— Я думаю, чем он был тогда, тем бы остался и сейчас. Он сам на это ответил: «Пусть впереди большие перемены, а их, конечно, тоже не приму». То есть как всякий порядочный человек, занимающийся искусством, он бы продолжал смотреть на то, что творится с людьми, а не восхвалять действия властей, какими бы те себя ни выставляли. Он иначе не жил. И недаром у него палитра была такая широкая, и аудитория — от ученых до любовников, полковников, зоотехников. Видимо, главное его свойство было в том, что терпеть не мог какого-то лицемерия и надутого шек. То, что сейчас на сленге называется: «гнать попу, пугу». Человек был преследуемый, гонимый, несмотря на огромную популярность. А иногда мог сделать то, что никому правителю не по силам. Потому что люди его любили.

Когда-то мы выступали на границе с Китаем, где местное начальство строго-настроено запретило, чтобы Высоцкий пел свои песни. А командующий, наоборот, попросил: «Нельзя ли, чтобы ваш артист спел, солдаты очень просят...» Они загнали автобус повыше, на автобус водрузили Владимира, поставили радио, микрофоны, и он прямо оттуда пел про хунвейбинов, про культурную революцию. И этот генерал, который рядом со мной стоял, искренне позавидовал: «Ах, мне бы такой авторитет у солдат! Этим должен обладать истинный полководец». Я понял его хорошую мужицкую зависть. Видно, как теперь выражаются, «крутой» был господин.

Или известный случай, на КамАЗе, еще при строительстве. Грязь неплазменная, единственная улица блочных домов. Работали были выходные и выставили влодь улицы магнитофоны на полную железку, как полагаются, и изю всех — Высоцкий. И сам он идет посреди улицы и кажется, что если он вдруг крикнет: «Гром, ребята!» — они не задумываясь все поучат. Весь КамАЗ со всеми этими домами.

— Может, власти этого и боялись?

— Была в нем вот эта зараза, тяга к свободе, к независимости. А тут еще путают героев его песен с ним самим. Его «блатной цикл» — это тонкая пародия, а власти воспринимали, что он сам блатной. «Шили» ему его собственные песни. Когда я хотел с ним Гамлетом делать, власти запретили: «Какой это, мол, Гамлет, это — пивная из подворотни с пропитым голосом! Вы что, с ума сошли?» В итоге он получился трагической фигурой, которую всячески оскорбляли. Он не мог этого не переживать, на концертах сам говорил: «Что же получается? Все меня знают, а я — никто. Не печатают. Записей моих не издают. Впервые его записали французы, потом канадцы, американцы. И за это еще больше полагало.

А то его ОБХСС начинало ловить. Получал он в театре 150 рублей. Приезжает к нему Марина, он должен был ей что-то показать, ответить в ресторане. Эта дама привыкла по-другому жить. Вот он и давал свои концерты. А его за это ловили. Даже

следствие было какое-то, меня на допрос вызывали.

В первую очередь он был поэт и очень обижался, что все поэты свысоко хлопотывали по плечу, мол, давай, Володенька, выпьем, а ты спой. Отсюда и все привычные нам комплексы. Приходит в театр, расстроенный. Говорю: «Что с тобой?» Он: «В Союз писателей не приняли». — «Володя, да что ты, милый, из этого Союза бежать надо, а не скорбеть, что не приняли!» Поскольку все случилось прилюдно, тут же донесли, что Любимов соблазнял артиста покинуть Советский Союз!.. Куда ни кинь, все какой-то скверный анекдот получается.

— Когда вы впервые встретились с Высоцким?

— Сразу же после возникновения театра на Таганке. Его кто-то привел, думаю, что наши дамы. Он же окончил школу-студию МХАТ, а его отовсюду выгоняли. Вошел. Кепарь, серенький пиджачик из буфка. Сигареточку, конечно, погасил. Прочитал что-то маловразумительное, бравальное, раннего Маяковского, кажется. Я говорю: «А гитарка чего так скромно стоит? Кореша, значит, вам уже сообщили, что шеф любит, когда играют на гитаре?» — «Нет, я хотел бы спеть, если вы не возражаете».

И вот он пел мне сорок пять минут. Через двадцать минут я спросил: «А что за тексты, скажите, пожалуйста?» Он так скромно говорит: «Тексты мои». «Баньки» еще не было, «Волков» не было, «Куполов» не было. Но уже, кажется, была «На нейтральной полосе». Спрашиваю: «А где же вы выступаете?» — «Я больше так, для друзей, в компаниях пою». Я ему сразу сказал: «Приходите работать». Мне тут же: «За чем берете? Он — сильно пьющий. Намучается». А я говорю: «Какая мне разница: одним алкашом больше, одним меньше. Этот хоть проспится — так умный. С ним интересно дело иметь».

Конечно, с ним намучаешься. Но все равно у меня никакого зла нет. Он и умница был, и интересовался всем чрезвычайно. И потому, что немаловажно, жизнь очень любил. Любил шататься везе. Был сильный, крепкий. И всегда истории придумывал. Убежит куда-то — скандал. Зато потом прибежит, начнет рассказывать, и все ему прощается.

— Я думаю, что он, если бы жил, писал прозу. Он ведь под конец писал бумагу и перо брал, чем подбирал свои незатейливые мелодии. Признавался, что заводил от ритма, от темпа, стих легко ложится. Мне кажется, он для этого и брелал.

Хотя Альфред Шнитке считал иначе. Когда мы делали спектакль памяти Высоцкого, я его попросил: «Поддержите Володю музыкально, аранжировать его». Он сперва сделал, но потом все снял и сказал: «Не надо, это его мир». Только мы с ребятами уговорили, чтобы оставил свою музыку к Володиной «Балладе». Чудесная, озорная баллада, и очень красивая музыкально.

— У вас был спектакль «Берегите ваши лица» по стихам Вознесенского, который воспринимался как бенедикт Высоцкого. Расскажите.

— Он там спел всего одну песню — «Охота на волков». Зрители начали топтать, свистеть, орать: «По-вторить!» Зал просто неистовствовал, не давали продолжать. Успокоились все с трудом.

Вдоль обрыва по-над пропастью...

Юбилейная позолота не пристанет к Высоцкому

только после моих мольб: «Хватит, мы поняли ваше отношение, прекратите. Мы не понимаем, что не надо этого делать, ведь они приписывают демонстрацию?» В зале сидел Мелентьев, министр культуры РСФСР... Спектакль был сделан в форме репетиции, которую я могу останавливать, что-то подкашивать артистам, что-то менять. Рядом сидела кассирша: кому «репетиция», кому «настоящая», кто-то получает свои деньги и уйдет. За четыре раза, что мы сыграли, кажется, был один такой случай. А потом спектакль прикрикивал. Причем не из-за Высоцкого, а потому, что у Вознесенского была фраза-перевертыв: «А луна канула» — читалась и так, и наоборот. Они написали докладную в Политбюро, что издавая над нашими неудачами в космосе. Американцы как раз в это время вышли первыми на Луну!..

— Как возник «Гамлет»?

— Я так бы хотел играть Гамлета! А в это время выдвигались требования разрешения поставить «Исторические хроники» Шекспира. И тогда, чтобы Володя там играл, Гамлету пришлось бесконечно: «Нам надо были какие-то канонические композиции, ставьте каноническую пьесу!» Ну, я и написал заявление: «Позвольте разрешить каноническую пьесу «Гамлет»! Тогда они приписали, что не надо давать роль Высоцкому, нужен другой Гамлет. Я говорю: «Другим может быть только настоящий принц. Вы с ними, принцами, встречаетесь, в отпиче от меня, вот и договаривайтесь. Если какой-нибудь принц придет, то я поделу. Пусть играет во втором составе». Так я и делал, а Высоцкий тем временем репетировал. Репетировал, надо сказать, очень сложно.

— По поводу репетиций даже сейчас разные слухи ходят...

— Это набрели на «яшику», что он кидал в меня штыки. Они придумали эту легенду на основе реальной, хотя и не связанной с Высоцким историей.

Молодым я играл Ромео на сцене вахтанговского театра. Пришел на спектакль Борис Леонидович Пастернак, автор перевода. Я имел честь быть знакомым с ним. Он сидел рядом с Вознесенским в партере, в первых рядах. И когда я фехтовал с Тибальдом, получилось, что шпага обломилась, и кончик ее вонзился как раз между Вознесенским и Пастернаком. Борис Леонидович пришел за кулисы и говорит: «Вы меня чуть не убили!» — и показывает обломок.

Все это превратилось в какие-то «штыки». Мы удивительные люди, все время со сладострастием выискиваем какие-то пакости друг про друга. Нельзя же так. Вот помню, как Володя меня спас. Я очень сильно заболел, высокая температура, сорок и пять десятых. Жена в это время у себя в Булапесте с сыном. Я один остался. И вот слышу какие-то бесконечные звонки. Добрался по

стенке до двери. Открыл. Стоит Владимир. «Что с вами?» Я говорю: заболел. Он довел меня до постели: «Надо же что-то предпринимать. Вы только дверь не хлопайте!» И исчез. Оказалось, он на своем «Мерседесе» проехал через охрану в американское посольство, сказал, что у него шеф заболел. Они дали ему какой-то мошнейший антибиотик, и обратно он тоже выехал на скорости сквозь кордон милиционеров. Потом, конечно, сказал, как надо принимать. Через два дня я встал, хотя мог бы загнуться. И такой он был во всем — азартный. Вот понравилась ему «колдуния» Марина Влади, он ее и добил.

— А не трудно ли было двум таким сильным личностям, как вы и он, ужиться в одном театре?

— Да нет. Володя, несмотря на весь свой характер, прекрасно понимал, что «каждый сверхчеловек знает свой шесток». У него всей этой советской сволочной галиматии в голове не было. Он был поэт. Я потому и дал ему играть Гамлета. Да, он был хороший артист, но замечательный был не этим, а тем, что создал свой мир, свою совершенно удивительную поэзию. Только несколько человек поняли, что он такое, а артисты только одно твердили: «Почему ему можно, а нам нельзя? Вот вы ему разрешаете, а нам нет, почему?» Я говорю: «А потому что он Высоцкий».

— Сейчас вы называете его то Владимиром, то Володей. А как называли в жизни?

— Самым зловещим было, не когда я на них орал. А когда громко говорил: «Владимир Семенович, будьте добры, покиньте сцену. Вы не слышите, что я вам говорю? Уйдите, пожалуйста, со сцены». И он уходил. И никакими штыками не кидался.

Бывали, конечно, всякие случаи. Один раз я сказал грубость. Вообще репетиции на «Гамлете» были тяжелые. Хотя Володя и был: «Гамлета... Гамлета...», но

выяснилось, что реально у него не было ни концепции роли, ничего. Просто желание. Как полюбил свою Марину и — «любу», так и Гамлет должен играть, и все. А чего играть, и сам не знает.

Начинал он стихами Бориса Леонидовича Пастернака. Вышел и заявил громко: «Гул затих! Я вышел на подмостки!» Возникло какое-то недоумение. На этот раз я сорвался. «Вышел?» — «Да, а что?» — «Ну, и уходите отсюда».

Он сперва не понял. «Нет-нет, уходите!» — «Почему? Что?» — «Потому что так нельзя! Что ты за фрукт? Ну, и что, что ты вышел?» Тут и началось...

— Но сложности были и потом...

— Вы имеете в виду случай, о котором рассказывала Демидова, когда Владимир попал в Марселе во время гастролей? Я нашел его в четыре утра в каком-то портовом кабаке. Категорически, которые нас сопровождали, были довольны, ухмылялись: наконец-то мы прокопались... Видимо, даже Володя это понимал, потому что, увидев меня, даже протрещел. Я говорю: «Салис в машину». Ответ его в гостиницу, вызвал врача. Что-то ему укололи, он заснул. Утром я стал звонить Марине. Довольно резко с ней говорил. Она сказала, что занята, я говорю: «Нет, мадам, вам придется бросить дела и приехать к мужу». Через некоторое время она явилась.

Врачи сказали, что не отвечая за его жизнь и без расписки не выпустят его из гостиницы. Он был в таком состоянии, что мог умереть на сцене. Тем не менее — «Я буду играть». За сценой дежурил врач, чтобы сделать укол, если ему станет плохо. А мы на всякий случай репетировали такой этюд: выходит король: «Где Гамлет? Немедленно доставить!» А Розенкранц и Гильденстерн выбежали: «Сейчас найдем и вам его представим». Быстренько сочинили в размер, пока врач будет с ним что-то делать.

В этот раз он играл необыкновенно. С артистами так бывает. Когда сил нет и артист играет «по

делу», он делает именно то, что необходимо. Особенно это важно в трагедии. И Высоцкий словно достиг совершенства. Зал это понял, догадался, что происходит что-то необыкновенное. Конечно, каждый раз так работать нельзя.

Я с самого начала говорил о религиозной стороне этой странной пьесы. Но все мои желания пролетали к нему словно мимо. Только под конец жизни он стал над этим задумываться, особенно над тем, что самоубийство — страшный грех.

— Прямо убить себя нельзя, но можно убивать себя постепенно...

— Тем, что он пил? Врачи мне говорили: «Вы на него сердитесь, а может, это наследственное и он иначе не может». Его родители отказались мне помочь поместить Володю в больницу. Хотя я не родственник, все-таки стрел его и отрез принудительно. И считая, что правильно сделал. Потому что он после этого два года работал, сочинил прекрасные стихи, песни, хотел кино снять. Его киношники обманывали, Одесская студия морочила голову. Я говорю: «Да обмануть они тебя. Репетировать лучше Бориса Годунова. Чего ты ждешь? Полгода уже прошло, а ты все маешься».

Он был зашпиган на том, что только когда пьет, только тогда может творить. На самом-то деле — ничего подобного. Потом он начал себя обманывать, как все они: пить 10 капель, потом 15... А потом его еще кто-то научил колдовать, мол, это выбьет алкоголь и все будет хорошо. Не знаю, что, а бы ему и сейчас голову отворнул. Потому что кончилось это трагически. Время от укола до укола все сужалось и сужалось... Но он очень хотел выпутаться.

Перед его смертью я заболел. В пять утра пришел Давид Боровский и сказал: «Ну, вот и кончилось ваше двадцатилетнее сражение за Володю». Я говорю: «Умер?» — «Два часа назад». Я ослеп, и мы поехали. На Малой Грузинской уже было полно народу, но нас узнали, пу-

стили. Потом я позвонил художнику Юре Васильеву, ныне покойному, и он снял посмертную маску. Володя писал в своем «Монументе»: «Расторопные члены семьи торопятся...» — Марина хотела, чтобы сняли маску.

— А как власти реагировали на похороны?

— Ужасно. Я вернулся домой часа через три. Жена сказала, что меня разыскивают от Гришнина. И тут же звонок. Изомов: «Виктор Васильевич поручил вам сказать, как все должно быть». Что какой-то мелкий чиновник быстро проведет с 10 до 12 гражданскую панихиду в театре и — на кладбище.

«Нет, так хоронить мы не будем», — «Как?» — «Вот так. Вы его травили, а хоронить его будем мы, его друзья». — «Нет, вы будете делать, как вам прикажут!» — «Нет, не буду делать. Если вы хотите по-своему, вам придется нас физически устранить». — «Так и доложить?» — «Так и доложите».

И тогда я позвонил Андропову и сказал: «Ваши деятели не понимают, кого они хоронят. Может быть новая Холынка? И Андропов ответил: «Хорошо, товарищ Любимов. Вы слышите, я пока еще называю вас «товарищ». Придет мой человек и будет вам помогать, чтобы никаких Холынок не было».

Очередь шла от Кремля, мимо Дзукской больницы наверх. Люди к Володе шли всю ночь. Утром была совершенно дикая жара. И все несли цветы, оберегая их зонтиками. Визу у Москвы-реки перекрывали шестые грузовики. Тогда толпа спокойно раздвинула грузовики, и люди опять пошла, а солдаты сделали вид, что они ничего не видят.

Пришел генерал катэбешный: «Надо продлить панихиду». И повторил слова Андропова: «У нас пока с вами обилие интереса». Так мы и ходили с ним по тротуару мимо метро, а люди шли к гробу. Я попросил Володиных друзей — физкультурники, мастеров спорта, — и они держали линию. Если начинался какой-нибудь экспесс, они сразу этого человека под белы ручки вносили в сторону. Но люди вели себя изумительно.

Чего не скажешь о властях. Площадь была запружена народом, люди стояли на крышах домов. Володин портрет был на фасаде театра, на втором этаже. Как только мы вынесли гроб, они сразу повезли его в тоннель. Я: «Как? Почему?» Но кто же меня послушает.

Только помню, как они сразу пустили поливочные машины, чтобы смыть цветы, которыми была завалена площадь. И какие-то молочки стали выламывать портрет Высоцкого с фасада. И тогда толпа начала скандировать: «Фашис-ты! Фашис-ты!»

Беседовал Игорь ШЕВЕЛЕВ

Таганка, 1977 г. «Нет ли лишнего билетика?»

Главный редактор номера: Ольга ТИМОФЕЕВА
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШНИН.
Арт-директор: Сергей МОРЕЙНО.
Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Отдел рекламы: Сергей ФИЛИПОВ Тел.: 915-75-23; Т/ф: 915-51-80, 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. Гончарная, д. 1.

Справки по телефону:
915-22-88; факс 915-51-71.
e-mail:
ogtech@corbina.ru

Электронная версия «ОГ»
в Internet:
www.park.ru; www.nns.ru;
в базе данных: www.integrum.ru

Наш подписной индекс: 32138

Адрес «Гостиницы «ОГ»:
121151, Москва,
Кутузовский пр., д. 22

Вёрстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

С этим знаком публикуются
пресс-релизы,
информационно-
коммерческие материалы.

Общий тираж «ОГ» — 264800 экз. (региональный — 190000 экз.).

Цена свободная.

Розничное распространение в Московском
Метрополитене — агентство «МЕТРОПРЕСС»

в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»
Отпечатано в типографии издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 28.1.98 г.
Заказ 1151.

Редакция: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. Секретари: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА (литературный редактор). Руководители направлений: Игорь АНДРЕЕВ (информация), Алексей БАУСИН (международная жизнь), Сергей ВАРШАВЧИК (СМИ), Наталья ГРИГОРЬЕВА (горор), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Виктор МАТИЗЕН (мировоззрение), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право), Софья СТАРЦЕВА (письма). Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор ГЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Александр ЖУРБИН (Нью-Йорк), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Михаил МЕЛЕШЕНКО (Кишинев), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Булапест). Исполнительный директор Наталья КЛОЧКО. Финансовый директор Дмитрий ШАЛИН.